

врагъ всякихъ авторитетовъ, перенесъ и „Фауста“ въ область кордебалета. Поэтъ, придерживаясь содержанія народныхъ представлений, даваемыхъ въ Германіи въ XVII в. „англійскими комедіантами“ (въ основаніе которыхъ легла драма Марло), внесъ и новые мотивы, и счумъ въ то же время воспользоваться всей декоративной роскошью, на которую указываетъ 2-ая ч. „Фауста“ у Гёте. У Гейне Мефистофель—женщина Мефистофелія; либретто, согласно съ его назначеніемъ, наполнено, главнымъ образомъ, волшебствомъ и сборищами вѣдьмъ и чертей; любовью „Фауста“ къ дѣвушкѣ изъ низшаго сословія заканчивается поэма. Забавно то обстоятельство, что именно при концѣ Гейне уклонился отъ преданія, видимо преслѣдуя мысль, близкую герою у Гёте. Какъ его Фаустъ отказывается отъ высокоумныхъ требованій духа и ограничивается исполненіемъ каждодневныхъ обязанностей, такъ и въ замыслѣ Гейне Фаустъ находитъ успокоеніе въ скромныхъ радостяхъ семейной жизни.

Такимъ образомъ, „Фауста“ поютъ, танцуютъ, декламируютъ, комментируютъ, рисуютъ и пародируютъ. „Фаустъ“ вдохновлялъ поэтовъ и художниковъ, находилъ неоднократно отголосокъ въ звукахъ и болѣе конкретное выраженіе въ живописи, и заставляетъ до сихъ поръ задумываться ученыхъ комментаторовъ. Перечень всѣхъ „Фаустовъ“ былъ бы нескончаемъ, а прослѣдить, въ какой мѣрѣ замыселъ „Фауста“ слился съ другими поэтическими замыслами и типъ героя у Гёте повліялъ на созданіе родственныхъ типовъ, было бы невозможно, такъ какъ обширность и общность идеи сдѣлали ее достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей, а имя его—нарицательнымъ. Фаустъ сдѣлался представителемъ безпкойной мысли, возносящейся до неразрѣшимыхъ вопросовъ. Дюбуа-Реймонъ, при вступленіи своемъ въ должность ректора берлинскаго университета (въ 1882 г.), избравъ Гёте предметомъ вступительной рѣчи, указываетъ на родственную связь между Фаустомъ и нѣмецкими учеными. Дѣйствительно, Фаустъ живъ въ типахъ отвлеченнаго мыслителя, ученаго труженика, „всемирнаго человѣка“ (Universalmensch) и „всемирнаго ученаго“ (Universalgelehrter). Нѣмецкимъ критикамъ особенно свойственно говорить о „faustartige Dichtungen“, сравнивая Фауста даже съ героями такихъ произведеній, фабула и замыселъ которыхъ представляютъ мало общаго съ Фаустомъ. Шерръ, говоря о поэмѣ „Вацлавъ“, польскаго поэта Гарчинскаго, основываетъ сравненіе на господствующей мысли—томительной и тщетной попыткѣ выяснить загадку жизни, хотя въ названномъ произведеніи ни одинъ эпизодъ не напоминаетъ прототипа его, а исканіе героя находитъ разрѣшеніе въ